

Борис Цукерман

Война (продолжение¹)

Конечно, ротная стенгазета — дело совсем иное. И, слава тебе, Господи, она выходила за пределы компетенции старшины. Темы публикаций помню не очень. Было, конечно, что-то «на потребу». Тексты писали от руки, делали рисунки, нередко иронические. Цензура — только со стороны комроты. Была она ненавязчивой, и мы с Котом Эфроном² чувствовали себя довольно независимыми. Это было приятно и придавало сил.

Что касается ребят-сослуживцев, большинство — из рабочей среды, кое-кто — из селян. Образованностью не блещут, но вполне доброжелательны. Своё происхождение ценят высоко: смотря на тебя как бы сверху вниз, ударив кулаком в грудь, гордо провозглашает: «Я - сибиряк!» Это звучит!

Справедливости ради: проявления антисемитизма ни разу ни от кого из них не встречал.

Где-то раз в месяц рота назначается дежурной по гарнизону. Заняты все: порядком на территории, работой на кухне, охраной складов, почётным караулом у Государственного знамени, где часами стоишь, застыв по стойке «смирно», и, наконец, — дежурством по городу. Здесь — помощь немногочисленной городской милиции и выполнение некоторых специальных поручений. Дело не всегда безопасное.

Вспомню об одном случае: отделение, в котором я состою, приказом командира роты послали однажды в город. Идём строем, ведёт сержант Костенко, командир нашего отделения. Город Тюмень вообще небольшой, мы же пришли куда-то на окраину, где дома — совсем сельские хаты. Нижние края крыш этих домиков буквально врастают в сугробы.

Остановились у сруба небольшого колодца. Там какой-то незнакомый нам майор. В его руках — небольшой, хорошо заточенный железный якорь — «кошка», которым обычно вытаскивают случайно затонувшие в колодце вёдра. Нагнувшись над срубом, держа за верёвку, он пытается что-то на дне подцепить. Нет, не ведро, оно — на месте. Что он ищет?

От командира отделения узнаём, что присланы мы именно в распоряжение этого майора. Он продолжает своё занятие, переходит от одной стороны сруба к другой и вдруг... что-то зацепилось. Вытаскивает с трудом какой-то мешок. С трудом не потому, что тяжело: руки замёрзли, хоть и в рукавицах. Капли воды, слетающие с него, падают на землю уже звенящими льдинками. А и мешок-то чудной: перевязан у самого основания, горловина же болтается почти во всю его длину.

-
1. Начало, опубликованное в выпуске 94 (<http://www.port-folio.org/2005/part99.htm>), утрачено (примечание Б.Б. Горбунова).
 2. Однокурсник Б.М. Цукермана по биологическому факультету Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Константин Михайлович Эфрон, с которым они вместе были призваны в армию. Прозвище Кот получил в раннем детстве в семье (примечание Б.Б. Горбунова).

Верёвка перерезана. Майор выворачивает мешок, и вываливаются из него... отрубленные человеческие кисти рук и стопы ног. Пальцы скрючены, кости торчат, всё — в синеве и чёрных кровавых пятнах... Жуть! Кошмар!

Чьё это?!

Подобрав «добычу», майор направляется вдоль улицы, мы — за ним. Входим в небольшой дом. Там уже есть кое-кто из наших курсантов, из соседней, 19-й, роты. Позже мы узнаем от них, что два дня назад рота была дежурной по гарнизону. Что одному из отделений роты, дежурившему по городу, было поручено сопровождать преступников из тюрьмы в помещение следствия, а после конца заседания — обратно в тюрьму.

Командир отделения, сержант Прилипко, с дежурства не вернулся. Его помощник, который привёл отделение в расположение части, рассказал, что Прилипко отправил всех отдыхать. Он собирался вернуться сразу после того, как сдаст в тюрьму последнего преступника, которого доведёт туда сам.

Майор, к которому мы прикомандированы, как раз и занимался поисками пропавшего сержанта. Мы этого не знали. Всё, что он делал, было нам поэтому совершенно непонятно.

Сейчас он — на кухне, у длинного деревянного стола, расположенного рядом с русской печью. На столе разложены куски сырого мяса — похоже, баранины или свинины. Они вырыты из снега в огороде. Холодильника-то в доме нет. Майор послал нас искать мясо дальше, разрывая снег по всей территории дома. Кое-что найдено, каждый кусок майор берёт в руки, внимательно осматривает и укладывает на какое-то своё место на тот же стол. Зачем?

Наконец, он подходит к русской печи, открывает металлическую заслонку и ухватом вытаскивает из неё огромный чугунный котёл. По самую крышку казан этот заполнен сваренными картофельными очистками. Бедные люди, видно несладко им живётся, если приходится этим питаться.

Запустив в него обе руки, майор вдруг извлекает оттуда огромный кусок вареного мяса с торчащими из серой мякоти тонкими рёбрышками. Осмотрев со всех сторон, он укладывает кусок в определённое место на тот же стол и вдруг вижу: это же часть мужской груди, вот сосочек торчит! Сразу понятным становится и место, и расположение остальных кусков и кусочков, оказавшихся частью чудовищной мозаики человеческого торса.

И сразу вопрос: почему человеческое мясо варёное, что с этим делали?

Ясно всё стало после конца следствия и суда, о чём начальство нам потом и рассказало. Дело обстояло так: преступник, молодой парень лет 22-х был осуждён на десять лет тюрьмы. Сержант должен был доставить его из судебного зала в место заключения сразу после конца судебного заседания.

По дороге преступник говорит сержанту: «Вижу, ты парень хороший. Десять лет мне присудили. Что же, так я и не попрощаюсь со старым батей и младшим братишкой? Зайдём к ним по дороге, это поблизости. Всего на полчаса. Посидим, перекусим, вы, курсанты, тоже, я знаю, живёте впроголодь. Зайдём, не пожалеешь».

Зашли. Дома тепло, хорошо. Дед и парнишка лет пятнадцати смеются, счастливы. «Садись, сержант, — говорят, — будь как дома». Вот и расслабился сержант, сел за стол, винтовку поставил в угол, начали закусывать. И тут парень (который — преступник) подходит к углу, хватает винтовку и, направив её в сержанта, говорит: «Ты, с-сука, сиди, убью к чёртовой матери, а ты, батя, действуй как надо». Ну, а дальше отец принёс моток проволоки и все вместе, навалившись на сержанта, задушили его как поросёнка.

Бандит переоделся в военную форму сержанта, взял его документы, винтовку и был таков. Ищи ветра в поле. Дед же и мальчишка тело сержанта расчленили, часть позакопали в снегу. Следователь спрашивает их: «Зачем мясо варили?» — Отвечают: «Ели, время-то голодное».

Борис Цукерман. Война (продолжение)

И совершенно очевидно, это — враньё: в подвале у них картошки полно, сами видели, когда майор посылал нас этот подвал осмотреть. А соседи говорят, что видели как «свиной» варёной они на рынке торговали, ещё удивлялись: откуда мясо это, когда свиней у них в помине нет?

Нам рассказали всё это тоже из воспитательных соображений. Дисциплина в армии — главное. Не будешь соблюдать её, можешь загреметь как сержант Прилипка!

Середина марта. Скоро полгода, как мы в училище. Вот-вот нас должны выпустить офицерами со званиями от младшего лейтенанта до лейтенанта — в зависимости от успешности прохождения курса каждым. Ждём, осталось всего чуть больше двух недель. И вдруг приказ: «Не дожидаясь завершения срока обучения, отправить всех в действующую армию «курсантским составом». Кому это было нужно, кто от этого выигрывал? Не ясно. Ясно одно: с училищем кончено. Срочно — сборы¹.

И вот мы — в поезде. Впереди долгая дорога. Кот Эфрон разукрашен: нос его, и так толстый, сейчас — сплошной гнойник с кулак величиной, на обеих щеках — гнойные блямбы, каждая с Екатерининский медный пятак величиной, даже больше. На верхней губе и щеках — тонкие жёлтые полоски медленно стекающего густого гноя. Пять дней назад в мороз 37-40 градусов, стоя дежурным у оружейного склада, он сильно отморозил нос и щёки. И вот результат. Почему его не показали медикам там, в училище?

Нет, срочно — в госпиталь, иначе заражения крови не избежать. Так и вышло. На какой-то станции Кота ссадили. Жаль, что на фронте окажемся порознь, там-то как раз дружеская поддержка нужнее всего.

Слава Богу, после фронта встретились мы опять в Университете, поломанные, но живые. Это — удача несказанная. Но до этого ещё далеко, очень далеко. Пока война для нас — впереди.

Не буду писать обо всём, не буду придерживаться строго хронологического порядка, изложу лишь содержание тех кадров, которые наиболее ярко сохранились в памяти.

Паштет из грачей

Мы едем и едем. Вначале — в пассажирских вагонах, затем — в теплушках.

Прошло недели две, стало тепло. Где мы сейчас — ума не приложу. Очевидно лишь, что врага выбили отсюда не так давно: валяется масса трофейного оружия — например, польские винтовки и множество патронов к ним. Время от времени на остановках стреляем из них. Из нашего оружия нельзя, патроны — на строгом счету, да и чистить оружие негде. С трофейным же можно не церемониться.

Едем не слишком быстро. А вот питание для нас отстаёт, догнать не может. Живём впроголодь: нередко — по половине солдатского котелка горохового супа в день на двоих. Я лучше других знаю, что делать. Ведь у меня — опыт Копет-Дагской экспедиции. Птиц здесь много, разных. Подстрелим, сварим, будем сыты. В открытую дверь вагона наблюдаю птичью компанию, вдруг вижу — грачи среди неодетых ещё берёзок, прямо как у Саврасова. Ура! Значит, прилетели. Как здорово, ведь паштет из грачей — изысканное блюдо английской аристократии.

Воображаю себя мистером Натаниелем Уинклем и на одной из стоянок подстреливаю этих двух больших чёрных птах. Ощипываю и потрошу на ходу. Нарезав, посолив, ставлю в котелке

1. В сентябре 1942 г. Б.М. Цукермана, студента биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, призвали в армию и направили в Таллинское военно-пехотное училище, которое было эвакуировано в г. Тюмень. В феврале 1943 г. батальон курсантов, в котором состоял Б.М. Цукерман, досрочно отправляют на фронт, так как немцы вторично взяли недавно освобожденный советскими войсками Харьков (примечание Б.Б. Горбунова).

на специальный очаг — на полу вагона. Чудесный аромат дичи вскоре наполняет воздух. Ещё несколько минут — блюдо будет готово. Предвкушаю радость ребят и рад сам, что опытом могу поделиться.

Как на грех - очередная остановка. В вагон впрыгивает старшина Скворцов. Почувствовав запах, застывает. «Это что?» — грозно спрашивает он.

— Жаркое, — отвечаю, — дичь.

— «У нас что, голод, что вы всякое говно жрёте?!» — орёт он и с размаху бьёт по котелку ногой, разливая и рассыпая по полу вагона всё его содержимое.

— «Дурак, кретин, — в свою очередь ору я, — это ж нормальная человеческая еда!» Обеими руками он хватается меня за ворот гимнастёрки, встряхивает и явно хочет ударить. Не тут-то было, я сильнее, позади — занятия боксом, одолеть меня не так просто. Я тоже хватаю его за шиворот, тоже встряхиваю, пачкая его щёку своей кровью из развалившейся в этой схватке недавней ранки моей руки. В поведении окружающих вижу сочувствие. Обмениваясь злыми взглядами, мы, наконец, расходимся.

Понимаю, дело моё плохо, могу заработать штрафной батальон.

Но... как-то обошлось.

Марш-бросок

С железной дорогой всё, мы на твёрдой почве. Получили новое обмундирование, гимнастёрки, бриджи, шинели с нашитыми уже погонами от рядового до старшины. Звания эти никто нам не присваивал, мы автоматически становились тем, кому что случайно выпало. У меня, например, оказались погоны старшины: большое начальство. К этому я не стремился, да и форма оказалась велика. Поэтому, когда подкатился ко мне Коновалов, рослый, к тому же стремившийся вверх курсант, и предложил в обмен одежду моего размера, я легко согласился, хотя погоны — всего лишь ефрейторского достоинства.

Нарядились, получили в котелок порцию из полевой кухни, поели, теперь — марш. Не думали, что будет он таким долгим: десять часов — пятьдесят километров с часовым отдыхом (!) Утомительно, даже для такой молодёжи как мы. Это — 1943 год, пехоту на машинах тогда ещё не перевозили.

На отдых остановились у берега широкой реки. Скорее всего это был Дон или какой-то из больших его притоков — это я понял потом.

Сел среди плотно растущих кустов, стараясь уединиться. Быть всё время вместе донельзя надоело. А здесь кругом — красота! Далеко справа, почти на горизонте, — тонкая ниточка железной дороги. Длинные товарные поезда ползут в направлении к фронту. Охоту за ними устраивает вражеская авиация. Полыхают далёкие взрывы, приглушённый грохот доносится и до нас.

Очередной поезд. Немецкие самолёты опять бросаются в атаку и вдруг... — ослепительная вспышка в полнеба, взрыв страшной силы: глыбы земли, огромные камни, клубы пыли и дыма взлетают почти к зениту... Тут же ощущаю сильный удар снизу, как при настоящем землетрясении, а через мгновение... кусты и деревья на всём зримом пространстве стволами, ветвями, всем своим существом, стремительно со страшной силой хлестнули по земле. Раздался чудовищный грохот, голова едва не слетела с плеч. Едва пришёл в себя, не сразу понял, на каком я свете.

А удар розог по спине я чувствовал после этого целую неделю. Взорванный поезд, оказалось, был целиком нагружен авиабомбами. Вряд ли атаковавшие поезд самолёты сумели при этом уцелеть.

Разное повидал я на войне, но такое — ни до, ни после.

Борис Цукерман. Война (продолжение)

Судьба полка

Пехотный полк, в состав которого мы вошли, продолжает марш к фронту. Далеко на горизонте светлые полосы, то и дело разрезающие небо, и вспыхивающие белые облачка означают текущий бой. А мы здесь километрами колоннами ползём по степи и все никак не дойдём до фронта. Скорее, скорее туда, скорее в дело! Так думали мы, наивные мальчишки, не представляя, куда идём, к чему приближаемся.

Подошли к реке Северский Донец. Через неё — понтонная переправа, широкие, накрепко сцепленные друг с другом мощные деревянные плоты упираются в высокий противоположный берег. Идём по ней тесно, буквально подпирая друг друга. Оси колес конских повозок — пулемётных тачанок и хозяйства обоза цепляются друг за друга и потом едва могут разойтись. Элементарное требование «Боевого устава пехоты» — держать достаточно большие интервалы между подразделениями пехоты, а также средствами передвижения для обеспечения минимальной уязвимости в случае вражеского обстрела — не соблюдается.

Мы и поплатились: в небе внезапно появились немецкие самолёты «Хейнкель-111». Они беспрепятственно выстроились в кольцо и, по очереди заходя в пике, начали сбрасывать бомбы на переправу. Один круг, другой, третий. Настоящий ад! Всё летит по сторонам, кровавые куски лошадей, обломки плотов моста, повозок, оторванные руки, головы, потоки воды, перемешанной с кровью... Кошмар!

Мы были уже на другом берегу, взвод успел переправиться до начала бомбёжки. А полк практически перестал существовать: уничтожены две трети личного состава, миномётная рота, рота ПТР (противотанковых ружей), полевая кухня и многое, многое другое.

Кому из нас повезло уцелеть, тот, не попав ещё на фронт, увидел, что такое для пехоты настоящая военная жизнь.

Маршируем дальше. Крутой высокий берег, подъём по серпантину, как в горах. Наверху круглая широкая площадка, последний поворот, за которым ровная степь. А на площадке этой ещё одна жуткая картина войны. Лежат на спине два недавно убитых «фрица» (тогда называли так немецких солдат), оба — в серо-зелёной суконной форме с накинутыми полевыми сумками, руки — в стороны. А головы, растоптанные колёсами машин, — огромные пятиметровые блины, густо покрытые дорожной пылью, перемешанной с кровью. Каждый шофёр считает долгом проехать именно по ним.

Расплющенные метровой ширины носы. Огромные, двухметровые, закрытые веками глаза. Растянутые кривые полосы губ, сложившиеся в мерзкую гримасу. Лопнувшие по краям обширные крылья ушей. Это — не чудовища из страшной сказки, а жуткая военная быль.

Фронт всё ближе. Долгая очередная стоянка. После ущерба на переправе через Донец идёт переформирование. Мы, прибывшие курсантским составом, приданы теперь 227 Гвардейскому стрелковому полку 8-й Гвардейской армии генерала Чуйкова. Да, того самого Чуйкова, чья легендарная 62-я Армия, разгромившая немцев под Сталинградом, приняла теперь номер восемь.

Немного о небе

Продвигаемся вперёд медленно, на одном месте стоим по несколько дней. Почему? Начальству виднее. Смотрим на войну как бы со стороны.

Время от времени из-за вершин невысоких деревьев со страшным рёвом вырываются внезапно штурмовики ИЛ-2. Едва не срезая верхушки высокой травы, они стремительно мчатся к передовой. Слышна отдалённая пальба. Минут через двадцать, возвращаясь уже не строем, порознь, они всеми силами стараются убежать от «сидящих на хвосте», буравящих их

пулемётными очередями стремительных и маневренных немецких истребителей «Мессершмидт-109». Похожие на хищных щук, они преследуют беспомощную жертву.

Да, высокую цену платили тогда за атаки штурмовиков. наших истребителей здесь не было, ИЛ-ы оказывались практически беззащитными.

Конечно, полк наш на стоянках маскировался. Ночевали в вырытых землянках; танки, повозки, полевую кухню закрывали срубленными ветвями деревьев. Тем не менее, немецкая «рама» — самолёт-разведчик регулярно прочерчивала небо, в результате и мы подвергались артиллерийским обстрелам или бомбардировкам.

Чаще всего налетали Юнкерсы, Ю-88, тащившие внушительный бомбовый груз. Так хотелось их сбить! Но автоматы против них бессильны, а один зенитный пулемёт — счетверённый «максим» выглядел не более, чем игрушкой. Струи трассирующих пуль, из него вылетающие, как нарочно, пролетали мимо, а попадавшие воспринимались не острее надоедливых мух.

Один лишь раз видел я, как «юнкерс» неаккуратно подставил брюхо этой струе. Видимо, она и попала в бомбу, которую хотел он сбросить. Рвануло так, что солнце, кажется, потускнело, а ошметки самолета, как обрывки бумаги, стали медленно падать вокруг. Остальных бомбардировщиков сразу, как ветром, сдуло.

Так празднично стало на душе, так радостно за стрелка, орден себе заработал. Спасибо тебе и от нас, дорогой!

Но это — редкость. Чаще всего бомбили они беспрепятственно. Помню, утро. Стоял часовым возле танка. И вдруг — налёт. Одна за другой бомбы — толстые металлические «поросята» — выкатываются из брюха очередного юнкерса. Впереди у каждой — палка как длинный нос с круглой шишкой-наконечником впереди. Палка раскачивается как огромный маятник, всё это мчит на меня. Точно вижу — прямо на меня! Несколько мгновений — взрыв, будто кто-то громогласно икнул, рвущееся в небо крошево земли... Секунды молчания — всё повторяется заново.

Нелегко быть свидетелем последних секунд твоего человеческого существования. В руках у меня дневной паёк хлеба, 900 грамм. Только что вместе с завтраком получил на полевой кухне. Откусил кусочек — чуть легче на душе, другой раз — опять легче. Вот так за 15 минут бомбёжки от 900 грамм — ни следа. Не думал я, что это окажется такой эффективной защитой.

А когда ребята-сослуживцы узнали об этом, смеху были полные штаны, целую неделю!! Вот от этого уберечься я просто не мог.

Будни

Время движется довольно однообразно, активных действий почти нет ни с той, ни с другой стороны. Временами — бомбёжка, артобстрел, иногда местность прочёсывают пулемётными очередями.

Очереди эти видны и слышны. В них чередуются пули обычные, трассирующие, бронебойные и разрывные. Если эти яркие красные или золотистые струи пронизывают пространство неподалеку от вас, слышна непрерывная оглушающая стрельба: тронув любую веточку, даже травинку, разрывные пули лопаются с резким звуком пистолетного выстрела.

По утрам в разведроту формируется команда, направляющаяся в тыл врага. Смотрю издали. Не просто с уважением — с восхищением! Разведать обстановку, взять «языка» — работа не просто рискованная, не просто опасная. Попадутся — угрожают им такие муки, перед которыми мучения Иисуса — детская игра. Я бы не смог.

Ребята — настоящие герои. Помню, привели однажды пленных, оба — русские из армии изменника — генерала Власова. Наша часть в это время, в основном, противостояла им.

Борис Цукерман. Война (продолжение)

Знали мы, что по жестокости и изуверству власовцы немцам не уступают. Ненавидим их и презираем.

И всё же хотелось бы понять, что могло толкнуть их на измену родине, на такой гнусный шаг? Подхожу к пленным, один из них — здоровенный парень — презрительно глядит на меня сверху вниз. Спрашиваю: «Чего это ты, паразит, врагу подался, вздумал против Родины воевать?!»

Взглянул ещё более презрительно: «А ты посмотри на меня и на себя, поймёшь».

Посмотрел: я — в измятой бумажной гимнастёрочке, таких же бриджах и стоптанных солдатских ботинках с обмотками (сапоги у нас — только у офицеров).

Он — в новой суконной форме, в прекрасных сапогах без износа, подбитых металлическими гвоздями с толстыми шляпками. Да, разница большая, но неужели в этом дело? Одень нас в меха, осыпь золотом и бриллиантами. Разве кто-нибудь пойдёт на измену?!

Понять это я не способен.

Как-то на спецзадание был послан один взвод нашей роты. Пройдя километров двадцать, они натолкнулись случайно на спалённый немцами элеватор. Сгорел он далеко не весь, уцелевшая часть, была заполнена семечками подсолнуха, копчёными, к тому же: пока элеватор горел, всё пропиталось дымом. Вот это находка!

Нагрузились, конечно, доверху. Пришли — раздали. Досталось и мне — полный глубокий карман шинели. К удивлению и огорчению оказалось, что пахнут они не приятным копчением, а отвратительным, даже каким-то зловещим запахом пожарища. Тем не менее, лускаем эти семечки без устали, все.

Вечер, почти ночь. Стою на часах дежурным у танка, у одной из наших «тридцать четвёрок». Время течёт медленно. Коротаяю его семечками. Сколько съел уже, а карман ещё полон. Зато язык распух, болит, едва помещается во рту. Понимаю: всё, больше нельзя! Но рука как автомат тянется и тянется в карман ещё, ещё и ещё...

Да, семечки эти запомню надолго!

Наступил день. Отдыхаю после дежурства, смотрю по сторонам. Взглянув в направлении врага, вижу вдруг: пять — шесть небольших немецких танков проползают справа налево, явно пытаюсь идти скрытно. Они недалеко, видны даже опознавательные знаки. Очевидно, готовится какая-то наступательная операция. Срочно доложить! Кому? Командиров не видно. Где они? Кто знает? Вдруг из-за кустов — разговор. Бегу туда. На земле незнакомый капитан, полулёжа, беседует с сидящими рядом тремя лейтенантами.

«Разрешите обратиться?!» - говорю. Он, повернувшись ко мне: «Докладывайте!»

— Товарищ капитан, звено вражеских танков только что появилось метрах в 300 от наших позиций. Танки медленно перемещаются налево вдоль линии фронта.

— Приказываю: взять команду ПТР, танки уничтожить. Об исполнении доложить! — изрёк строго и вновь отвернулся к лейтенантам: надо же дослушать начатый анекдот.

Я опешил: это всё равно, что приказать слетать на луну, обстрелять оттуда вражеские позиции. Идиотство, всерьёз принять нельзя. Делать ничего не стал, капитана не знаю, он, тем более, не знает меня, наказание за невыполнение приказа мне не угрожает.

Честно говоря, ожидал более серьёзного отношения к этой информации. Зато, как приятно было вскоре увидеть, как в ту сторону, куда танки ушли, с дикими завываниями понеслись огненные залпы дорогой нашей «Катюши»! Стрельба шла с нескольких машин. Вот это да! Снарядам «Катюши» невозможно противостоять, они поражают целое поле.

А назавтра — артподготовка, за нею — наше наступление. Широкое пустынное поле. Мы автоматчики-танкодесантники, но командир части нас щадит, не заставляет взбираться на броню: танки — впереди, мы, пригибаясь, — за ними. Рядом же наступает соседний полк, командир которого придерживается, видно, других позиций. Разгар боя. На каждой машине, раскинувшись на спине или свалившись набок, лежит по нескольку убитых солдат. Они — наверху, не прикрыты ничем, отличная мишень для пуль и минных осколков. Зрелище кошмарное! Это не забыть!!

Огромное пространство сельского луга заполнено грохочущими танками — «тридцать четвёрками». Идут в два-три ряда. Орудийные башни с длинными стволами пушек как ястребиные головы поворачиваются направо налево, хищно выискивая цель. Вдрагивают, выплёвывая в неё смертоносные заряды. За танками — пехота. При сильном встречном огне она ложится, затем вновь — рывок вперёд. Стреляем неизвестно в кого, врага не видно, он врылся в землю.

Сильный встречный огонь из миномётов, крупнокалиберных пулемётов, противотанковых орудий. Непрерывно рвутся мины, поднимая столбы перемешанной с травой земли, раскидывая смертоносные осколки.

До вражеской передовой всё же дошли. Танки разворачивают окопы, наши пули укладывают выскочивших оттуда фашистов.

И всё же закрепиться не удалось, откатываемся на прежние позиции. На поле — следы боя: несколько танков со скрученными набок орудийными башнями, разорванными гусеницами. У некоторых из щелей струится дым. То тут, то там — тела убитых и тяжело раненых. К ним под встречным прицельным огнём фашистов отважно ползут наши девушки — санинструкторы. Кого-то им удаётся спасти, вытащить на себе. Потерь много, не сосчитать. Иван Шишкин, Валя Переверзев, Сережа Бочков, это — только те, с кем я был в дружбе ещё с училища. А сколько других... Мне пока везёт.

Да, это — война, и это — пехота. Здесь долго не продержаться!

Сегодня предпоследний день 1998 года. Я, сидя за персональным компьютером в Калифорнийском городе Palo Alto, пишу воспоминания о событиях 55-летней давности. Зачем? Бог его знает. Брат же мой, Алик, всю войну провоевал связистом в танковой бригаде, нередко в составе экипажа в танковых атаках. Тревожные воспоминания об этом продиктовали ему стихи, которые настолько отражают время и существо происходившего, что я просто обязан их привести.

В танковой бригаде не положено тужить

Нам перед атакой
Понемногу налили

Политрук умело
К битве вдохновлял:

«В бой иди за Родину,
В бой иди за Сталина
И за жизнь счастливую,
Которой не видал».

Командир уверенно
Ставил нам задачу:
«Выполняй, что велено,
Остальное - дым,

Борис Цукерман. Война (продолжение)

А умрёшь за Родину —
Мы твою награду
С полным уважением
Выдадим родным.

ПРИПЕВ:

*Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!*

Вот взлетела к небу
Красная ракета,
Панораму боя
Синий дым застит,
Мы стреляем с ходу.
Бьём по вспышкам света,
И земля клочками
По воздуху летит.
Поперёк долины
Выложены мины —
Левому соседу
Тяжкая страда:
Разлетелись траки,
Словно зубы в драке,
От катков опорных
Не найти следа.
А соседу справа
Худший жребий выпал:
В лотерее жизни
Вылетел в тираж.
И, броню покинув
Чёрной свечкой дыма,
Из своей машины
Вышел экипаж...

ПРИПЕВ

Нам первая болванка
Не пробил танка,
Но после удара
Двигатель заглох.
На бугре застыли
Славною мишенью,
Времени осталось
На последний вздох...
От второй болванки,
От второй болванки,
От второй болванки,
Лопнула броня.
И, заклинив башню
И, заклинив башню,
Мелкими осколками
Ранило меня.

ПРИПЕВ

Снова заработать
Двигатель не хочет,
Зря стартёр стрекочет,
Мать его прости,
Мысль буравит темя:
«Выиграть бы время,
Чтоб успеть отсюда
Ноги унести!»

Дымовая шашка,
Что слону фуражка,
Но, быть может, этим
Мгновенье сохраню?
И, чиркнувши тёркой
И, чиркнувши тёркой,
Дымовую шашку
Бросил на броню.

ПРИПЕВ

Пулемёт горохом,
Пулемёт горохом,
Пулемёт горохом,
Сыплет по броне...

Но сейчас удача,
Но сейчас удача,
В этот раз удача
Улыбнулась мне:

Счастье есть и нищим —
Мы не сели днищем,
А не то, конечно,
Был бы нам каюк.

Землю, мать родную,
Грудью приминая,
Выполз, извиваясь,
Через донный люк...

Думали, машина
Всё же уцелеет,
Но противник точно
Выверил прицел —

Красный флаг пожара
С дымной оторочкой
Траурным сигналом
Надо мной взлетел...

ПРИПЕВ

В штабе растерялись:
Нас уже не ждали,
Тут же пригласили
В Особый отдел:

Борис Цукерман. Война (продолжение)

Ты скажи-ка, сволочь,
Признавайся, сволочь,
Почему ты, сволочь,
С танком не сгорел?!
Виноват, товарищи,
Знать судьба, товарищи,
Ничего, товарищи,
Я им говорю,

В следующей атаке
В следующей атаке
В следующей атаке
Обязательно сгорю!

ПРИПЕВ

Жизнь — не гимнастёрка,
Нету ей замены,
И не суп гороховый —
Добавки не налить.
Самому отдать её —
За какую цену?
Чтоб не промахнуться,
Не продешевить?!
Может у кого-то
Выше ставка есть,
Нам дороже жизни
Воинская честь!

ПРИПЕВ

От свинца и стали
Нас не заказали,
Нам не загадали,
Сколько лет прожить.
Но свою честью,
Но солдатской честью,
Совестью и честью
Будем дорожить!

ПРИПЕВ:

*Любо, братцы, любо
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!*

Лучше этого, не скажешь, братец-гигант! И, как рассказывали мне его друзья — сослуживцы, сам был безрассудно смел. Выжил, слава Богу!!!

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА

Диспозиция части не остаётся постоянной, маневрирует враг, маневрируем и мы. Нередко — марши на десятки километров. На место приходим обычно к вечеру. Немцы — снова перед нами. Вынимаем сапёрные лопатки, каждый роет индивидуальную ячейку, где можно поджав ноги сесть, скрывшись в земле до подбородка. А чтобы голову защитить от пуль, но сохранить

возможность наблюдать и вести оружейный огонь, впереди насыпают невысокий бруствер — утрамбованную продолговатую кучку земли во всю ширину, даже чуть шире ячейки. За неё можно спрятаться, но, можно и положить на неё автомат или винтовку для уверенной прицельной стрельбы.

В этой ячейке проводим ночь. Спать здесь невозможно, да и не разрешено: наступление врага может начаться в любой момент. Не спим, сторожим, бывало неделю подряд. Это самое, самое трудное!

Помню, проходили как-то невысокими поросшими деревьями холмами. Свежие следы недавних тяжёлых боёв. Земля изрыта. Много убитых, раскинувшихся в смертном окочении. Выпавшее из рук оружие — рядом.

Прямо у тропы — тело сержанта, в руке — винтовка с оптическим прицелом.

Мечтал о такой винтовке много лет с тех пор как мальчишкой ещё увидел кинокартину «Снайпер», далее увлёкся стрельбой из «малокалиберки», а став старше, сдал зачёт на значок «Ворошиловский стрелок».

Сбоку прицел слегка смят, но вогнутость плавная без разрывов и даже грубых царапин. Понадеялся, что точность стрельбы не слишком пострадала, вынул винтовку из мёртвых рук, надел на себя.

К концу дня подошли к заброшенной деревне со странным названием «Голая долина». Странно, так как на краю деревни — большой фруктовый сад. За ним — спуск к речке, текущей поперёк, за нею — немцы. Роем индивидуальные ячейки, опускаемся в них, устраиваясь по-удобнее на ночь. Свой автомат ППД (Дегтярёва) кладу в ноги, винтовку — наверх на землю, направив её в сторону врага и оперев ложе на бруствер.

Зычный голос командира вызывает меня и моего товарища, Толю Бретева. Нас назначают дозорными. Из глубины сада приказано вести наблюдение за окружающей местностью, особенно, за опушкой. За нею внизу — немцы. С наступлением темноты они могут, поднявшись по склону оврага, предпринять попытку окружения.

Шесть часов дежурства — впереди. Время от времени сад пронизывают пулемётные очереди. С постепенным наступлением темноты они становятся всё ярче. Мы с Толей нашли место, откуда кругом видно все. Для большей безопасности отрыли себе общую ячейку, наблюдаем, обмениваемся впечатлениями.

Совсем темно, на опушке на фоне почти чёрного неба видны лишь силуэты деревьев. Внезапно обстрел резко усиливается, огненные струи пронизывают всё пространство вокруг нас. Разрывные пули оглушают. Погружаемся в ячейку как можно глубже, только головы — наверху, наблюдать-то надо.

«Кретины — говорю — в кого стреляют, вслепую и наугад?» Толя молчит. «Ты не оглох?» спрашиваю — молчит. Наверное, и вправду оглох или, может, уснул, хотя как тут уснёшь в таком грохоте? Протягиваю руку — мокрое, липкое... Наклоняюсь вплотную, зажигаю фонарик: Боже... голова расколота пополам, оттуда вытекает смесь крови со сбитыми в кашу остатками мозга!! Кошмар!!!

Разрывная пуля попала в середину лба, он и вскрикнуть не успел. Бедный Толя!

А меня судьбы опять сохранила.

Ночь без сна, Толя — перед глазами, боль в душе.

Медленно рассветает. Немцы рядом, их укрепления — сразу за речкой. Вижу всё как на соседнем дворе: они просыпаются, выходят, делают зарядку. Нахально, не боясь, бегут на бережок умываться и за водой.

Борис Цукерман. Война (продолжение)

Видеть не могу! Ну, наглецы, паразиты, погодите!!

Рослый немец, кажется командир, сбрасывает военную форму на песок. Зайдя в воду, ополаскивает лицо, подмышки... Как дома, с-с-сука! Хватаю винтовку, крест оптического прицела — на лоб, нажимаю спусковой крючок, выстрел — всё. Колени подламываются, подонок — под водой. Трое солдат бросаются, вытаскивают его, но ясно, с ним кончено.

Спасибо винтовке, взял её не зря, за Толю как мог отомстил. Первый и последний раз за время участия в войне я видел фашиста, которого сумел прикончить. В остальных случаях во время наступлений, даже атак, стреляли только в направлении врага, которого не было видно, надеясь, что в кого-нибудь да попадёт.

А мне за этот выстрел, сделанный без приказа, был тяжкий разнос, ведь он нас демаскировал. По нашим позициям открыли сильный миномётный огонь. Наверное это ускорило начало нашего наступления, которое, я думаю, было неизбежно: тактическим преимуществом во взаимном расположении здесь видимо владели мы. Действительно, мы — сверху, впереди внизу — тянущаяся далеко вперёд широкая, на самом деле голая долина, враг, несмотря на маскировку, виден как на ладони. Возможна эффективная прицельная стрельба. Правда, справа и слева вдоль долины тянутся высокие, уровня нашего фруктового сада, гряды холмов. Долина — как многокилометровый прямоугольник между садом и ними. Кто — на этих холмах?!

24 августа 1943 года. Орловско-Курская битва, гром которой далёким эхом отдавался и у нас, только что успешно завершена. Немцы отброшены. Мы, чуть южнее, наступление, естественно, должны поддержать.

Где-то — семь утра. Грохот начавшейся артподготовки разрывает небо и землю. Вражеские солдаты, покидая передовую, откатываются назад. Пригибаясь к земле, убегают, оставляя на поле тела убитых. Что это, уже успех? Увидим после наступления нашей пехоты.

10 утра. Команда: «Приготовиться к наступлению... Внимание... Перебежками вперёд ма-ар-рш!»

Ширина фронта наступления почти во всю долину. То и дело звучит команда: «Не смыкаться!» Напоминают: рядом идти нельзя, не-то одна мина или снаряд выведет из строя многих.

Короткая, метров пятьдесят, пробежка — остановка дальше ползком. И так всё время: бегом — ползком, бегом — ползком... Стреляем вперёд, в кого — непонятно, людей не видно. Мне-то кажется это идиотством, но такова инструкция.

Встречный огонь усиливается, становится очень плотным. Стреляют не только навстречу, с боковых холмов тоже, оказывается на них — немцы! По существу мы — как бы — в окружении, стрельба не только с боков, даже почти сзади, пулемётным «кинжальным огнём». Как командование наше допустило такую обстановку?!

Один диск моего автомата уже пуст, начинаю второй. На поясе — противопехотная граната Ф-1 с запалом Ковешникова. На всякий случай. Наступление продолжается. Хотя не быстро, но продвигаемся.

Очередной рывок вперёд — остановка, падаю на землю... правая рука не держит — ударяюсь головой: Оказывается ранен я в правое плечо. Боли в пылу наступления не почувствовал. Автомат держать не могу, придётся оставить. Лежу на земле, сквозь грохот стрельбы слышу... звуки немецкой речи... Они рядом! Нет, живым меня не возьмут!! Слава богу, есть граната. Подойдут — подорвусь вместе с ними.

Обратно ползу на левом боку. Хорошо, что пальцы работают, держусь ими за ворот рубашки, чтобы рука не волочилась по земле. Смотрю по сторонам. Вражеский огонь настолько плотен, что непонятно, как вообще можно уцелеть. Надо мною — яркие очереди крупнокалиберного пулемёта. Горящие пули налету разрываются на несколько частей: один раз, другой, третий,

продолжая стремительный полёт уже не одиночной струёй, а целым смертоносным потоком. Выше меня он метра на полтора, в этом — моё спасение.

Ползу, оставляя кровавый след. Вдруг совсем близко, метрах в двадцати слева — разрыв мины, через пару минут — на таком же расстоянии, справа. Затем — то же впереди и почти тут же — позади. Понимаю: следующая, по теории вероятности, должна попасть в середину...

Пронесло!! Даже из такой теории бывают исключения.

Пока подполз к расположению полка прошло, наверное, часа полтора. Мне помогли добраться до полкового медпункта. Перевязку делала санинструктор Галя. «Перелом плеча — сказала она — и кровотечение. Остановить его не могу, нечем. Срочно отправляйтесь в медпункт дивизии. Везти туда некому и не на чём, добирайтесь пешком. И не медлите.»

Идти 12 километров. В другое время — пустык, сейчас же сил почти нет, гимнастёрка всё набухает и набухает от крови. Просторные, не засеянные поля. Солнечно, тепло. Метрах в двухстах вижу поперёк идущую по невысокой насыпи дорогу. По ней — редкие конные повозки. До насыпи доковылял — всё: рухнул без сознания. Крови нет — жизни нет. Не подобрала бы меня и не доставила бы в дивизионный госпиталь случайная бричка, был бы это истинный финал.

А спасителей своих я так и не увидел. Жаль.

Да, надо сказать, история эта подарила интересное наблюдение: на своём опыте убедился как легко умирать от кровопотери: уходишь из жизни незаметно, сам того не ощущая. Я понял, что дамы, перерезавшие себе вены, лёжа в ванне, наполненной водой (чтобы не свёртывалась кровь), в выборе метода суицида были совершенно правы.

Надо же, какая зараза эта научная работа, наблюдаешь, сопоставляешь, приходишь к каким-то заключениям даже в таких почти запредельных ситуациях. Не идиотство ли?!

В дивизионном микрогоспитале пробыл дней пять. Меня оперировали, переливали кровь, наложили обширный гипс. Потихоньку начал возвращаться к жизни, и тут было решено отправить меня в госпиталь настоящий, тыловой. Всё это покрыто в памяти туманной пеленой. Одно лишь воспоминание, осталось ярким: день отъезда. Меня одели и на прощание преподнесли угощение: два больших бутерброда с маслом, щедро посыпанные сахаром! Такая вкуснота, обалдеть!! А я-то?! Смотреть могу, съесть, ну никак, даже лизнуть сил нет!

В памяти огорчение это сохранилось навечно.

Итак я остался жить. Война для меня — позади. И как ни непатриотично это звучит, был тому я сердечно рад. Армейскую службу ненавидел всей душой! Так ненавидел, что свою солдатскую книжку, основной мой документ, порвал и выбросил в окно вагона санитарного поезда, увозившего меня в тыловую госпиталь. Дурость, конечно.

Санитарный поезд. Долгие недели пути. День — ночь, день — ночь, короткие остановки... и бесконечный стук колёс. Куда едем? Кто знает...

Первая длительная остановка — Бутурлиновка Воронежской области. Меня и некоторых других раненых выносят из вагонов, с остальными сан-поезд отправляется дальше.

Большой госпиталь, в мирное время, наверное, какой-то клуб. Огромный зал заставлен койками с лежащими больными. Между ними лавируют сёстры, нянечки, врачи тут же на постелях делают больным перевязки. Время от времени появляются гости — шефы, они разговаривают с нами, стараются отвлечь внимание от боли и немощи, рассказывают весёлые истории. Вот и около меня появилась молодая миловидная девица. «Как Вас зовут?»

— Борис. А вас как?

— Зоя, Зоя Кочерга. (ну, чёрт возьми!! Слава Богу, от кочерги в ней — ничего) — Вы откуда?

Борис Цукерман. Война (продолжение)

— Я москвич.

— Ясно, значит украинську мову не знаєтэ. Буду Вас вчити. Почнемо зараз. Скажите «паляныця». Я повторяю. — «Ни! Жётко дуже, говорите мяхше, мяхше, ласковее: «паляныця, па-ля-ны-ця».

Приходила каждый день, уютная, ласковая, приносила что-нибудь вкусное, это в то, время! А я даже попробовать не мог почти ничего. Чем же ответить ей? — добрым словом и благодарным взглядом. Это — самое большее, чем я тогда располагал.

Смотрел кругом и невольно вспоминал Филиппа Второго, всемогущего и жестокого испанского короля, погибавшего от гангрены. Помню, в ранах его водились черви и я воспринимал это как возмездие Божие за произвол и жестокость. А вспомнил я его, потому что в госпитале черви в ранах под бинтами были у каждого второго. перевязки проходили тут же, при нас, каждый мог это видеть.

Удивлялся, почему врачи так небрежны, что даже не стремятся как следует от червей рану очистить. Гораздо позже узнал я, что черви даже полезны: пожирая омертвевшие ткани, они сами рану очищают. Да, загадок в природе — миллион!

Сколько был в Бутурлиновке, не помню. Впечатления от неё — только огромный забитый больными зал и милая шефиня Зоя. Ничего другого я просто не видел. А дальше — опять санитарный поезд, недели пути и, наконец — Новосибирск, эвакогоспиталь №3348. Следующие полгода жизни — здесь.

О госпитале много говорить не буду. Двухместная палата, рядом со мною с таким же ранением — сталинградец Иван Захарович Ларионов, хороший мужик из рабочих, старше меня лет на восемь. В общем, лежали дружно. Хорошие сёстры, особенно Надюша Кабенкова, в которую я едва не влюбился, похожая как я увидел потом, на молодую Людмилу Гурченко. Опять — шефы, на этот раз — противная девка с сексуальными претензиями, это я сообразил потом. Забыл как её зовут.

Госпиталь занимал большое здание школы, помню, за дверями палаты вдоль коридора — истошные вопли с грузинским акцентом: «Сестра-а, пантало-он!!» Это — больной, получавший как обезболивающее пантопон и ставший наркоманом, требует очередной укол. И таких много.

Кормили однообразно, скромно, но в общем достаточно. Наш палатный врач, Галина Ивановна, — просто чудо. Я, например, обязан ей своей рукой: начальство предлагало ампутацию, она — ни за что!! И отстояла и сумела справиться с нелёгкими проблемами лечения.

Иван Захарович и я лежали, закованные в одинаковые гипсовые корсеты от шеи до пояса с поднятой до уровня плеча, лежащей на деревянной подставке также загипсованной рукой, я — с правой, он — с левой, так, для симметрии. Система эта называлась «аэроплан». Незагипсованной оставалась только обширная раневая поверхность у плеча, требовавшая постоянного хирургического ухода.

Праздником стал у нас приезд дорогой моей мамы. Сумела она вырваться из Алма-Аты, больше недели провела с нами. Дни эти — потрясающие. Она — человек необыкновенный, каждый, кто с нею соприкасался, чувствовал удивительную силу и доброту её неповторимой души. Не миновал этого и Иван Захарович. А мне эти дни было ясно и тепло. Первый раз за два года, прошедшие с момента разлуки, с моего отъезда в Ашхабад.

И гостинцы привезла. Как она сумела деньги собрать на эту поездку? Наверное, отказывала себе во всём.

Всё проходит, прошло и это, мы вновь одни. Текут дни, недели, месяцы. Днём — врачи, сёстры, перевязки, обходы, вечерами — шефы, кое-кто «пикирует» в город к знакомым

дамам не слишком сдержанного поведения. Другие ближе к ночи запираются с дежурными сёстрами в пустых палатах завершать закрученные днём романы. Жизнь госпитальная — в разгаре. Я сдержан: во-первых, не так воспитан, во-вторых, может быть это — главное, здоров очень ещё недостаточно. Привязывалась желтуха, связанная с перелитой неподходящей кровью и всякая прочая мура.

В январе 1944 года начальнику госпиталя майору медицинской службы Майору Александровичу Погорельскому стало известно, что эвакогоспиталю 3348 предстоит реэвакуация. Куда? Пока это известно не было. Ясно одно: для облегчения переезда выписать нужно возможно большее число больных.

Выбор для выписки пал и на меня. Действительно, хотя репарация переломов ещё не произошла, я несомненно был уже на пути к выздоровлению. В феврале, тепло укутав, меня отвезли на вокзал для отправки в санитарном поезде в Москву. По пути на станцию через окна санитарной машины в первый и последний раз я увидел улицы Новосибирска, города, где прожил более полугода.

Прощай, военная служба, прощайте, госпитали. Списанный «вчистую» еду домой.

«TILSITER VONA» И НАПУГАННЫЙ КАПИТАН

9 мая 1945 года был наверное самым радостным днём в жизни людей моего поколения. Победой окончилась война, с лица земли стёрты нелюди, фашисты, носители мирового зла. В памяти каждого из нас, участвовавших в боях, — грохот стрельбы и бомбёжек, дикая усталость и непреходящее ощущение того, что смерть — рядом. Бывало тяжко, бывало страшно, но были и моменты, о которых и сейчас вспоминаешь с улыбкой. Вот один из них:

Июнь 1943 года, незадолго до решающего наступления на Орловско-Курской дуге. Наш Гвардейский стрелковый полк — чуть южнее, под Белгородом. Мы — в составе бывшей 62-й, ныне — 8-й Гвардейской армии генерала Чуйкова, героически сражавшейся в Сталинграде. Я — рядовой, автоматчик, недавно попавший сюда из военно-пехотного училища, в каждом участнике Сталинградской битвы, естественно, видел героя.

Батальон стоял в долине между меловыми холмами и наши гимнастёрки были пропитаны замешанной на поту высохшей меловой грязью. Передовая находилась где-то в трёх километрах от нас, и с вершины холмов за передвижением вражеских войск непрерывно велось наблюдение.

Однажды мне было приказано сопровождать гвардии капитана, который и должен был вести наблюдение, а я как связной в случае срочных сообщений — бежать вниз, докладывать их командиру. Капитан мне не знаком, вижу впервые, но орден боевого Красного Знамени на груди говорит всё. Слов не надо. Наверное, — Сталинград.

Быстро поднимаемся, выходим на гладкую вершину высокого холма, которая простирается вдоль него метров на сто пятьдесят. Здесь — свежие следы недавних боёв: множество винтовочных и автоматных гильз, брошенное оружие, тела убитых солдат, двое наших, один «фриц». Внизу видна миномётная рота, полевая кухня, а чуть дальше — частая тогда примета войны, убитая лошадь. Лежит она на правом боку, брюхо раздуто как футбольный мяч, обе левые ноги, передняя и задняя, нацелены в небо. Смрад. Убирать некому.

Вдали ничего подозрительного не вижу, впрочем, точно не знаю, куда смотреть. Капитан поводит по сторонам полевым биноклем, молчит.

Вдруг воздух разрезает визг, скрежет и тут же оглушающий удар. Нас густо засыпает меловым порошком, мусором и камнями... Снова разрыв, ещё и ещё. Распластываемся, спрятаться некуда, артобстрел прицельно по нашей высоте. Суций ад!!

Смотрю на капитана, ищу поддержки, он-то и не в таких переделках бывал!... Вижу: лицо как мел, лоб мокрый, глаза круглые, челюсть отвисла, на подбородке — слюна. «П..п..rikaзываю

Борис Цукерман. Война (продолжение)

наб..блюдают за п..п..ротивником. Об об..бстановке д..долж..жить! Я с..спус..с..каюсь д...дать рас..п..п..оряжения внизу!»

Так я его и видел, он сбежал, исчез навсегда. Трус! Скотина!! Сволочь!!!

Обстрел продолжался, казалось, целую вечность, в общем-то, минут пятнадцать, прекратился так же внезапно, как начался. Слава богу, я жив, даже не поцарапан. Как теперь поступить, спуститься? Но у меня приказ наблюдать. Что наблюдать, где враг, не знаю. И бинокля у меня нет, капитан унёс. Придётся ждать другого приказа.

Хожу по холму. Вся вершина распахана, снаряды, видимо, приличного калибра. Прохожу мимо трупа немца, убит он кажется недавно. Через разорванный китель торчит пробивший грудь застрявший осколок.. Через плечо перекинута полевая сумка. Какая сумка! Давно о такой мечтал. Что ж, будет моим трофеем. Снимаю её, открываю, вытряхиваю на землю содержимое: записную книжку, карту местности, горсть всякого барахла и странного вида тюбик вроде зубной пасты, но раз в пять больше и без головки, через которую пасту выдавливают. Просто — выпуклая блестящая поверхность. Заполнен тюбик какой-то слегка пружинящей под пальцами массой, а на боковой поверхности зелёными буквами с красной каёмкой надпись: Tilsiter Vona и несколько ниже мелким шрифтом — 150 g. Что это, отравка для колодцев или другая какая-то фашистская мерзость? Нет, не яд, конечно, то был бы порошок. Выбросить? Но интересно всё же, что там?

Выпуклая передняя поверхность тюбика отрывается неожиданно легко. Под ней — блестящая желтоватая слегка пористая пластичная масса с неожиданно приятным запахом. Голову наотрез, вкусный этот запах с детства знаком. Что это?! Не удержался, лизнул. И тут стрелой пронзает сознание: Боже, ведь это плавленый сыр! Намертво забыл о его существовании...

Вкусным оказался Tilsiter Vona. Хоть и с опаской, съел я его без остатка.

Ещё пару часов пробыл я на вершине холма. Спустился, когда понял, что обо мне начисто забыли. А сумку полевую так и не взял, она оказалась свежераспоротой осколком, наверное, во время только что прошедшего артобстрела.

Потом было много всего: бомбёжки, артобстрелы даже похуже этого, бои, атаки, тяжёлое ранение, госпиталь. И вот я — дома, в Москве, списан вчистую.

А тут и конец войны, славный 1945-й.

Иду я как-то в гастроном, что в высотном доме на площади Восстания. Захожу в колбасный отдел и вдруг... лицом к лицу с капитаном, тем самым, с орденом Красного Знамени. Меня не замечает или не узнаёт. Я не злой человек, но тут озверел, хватаю его за грудки: «Что же ты, сволочь, так твою разэтак, бросил меня тогда? Струсил, паразит, орденоседец хренов! Я тебе покажу, в стенку вобью, по ней размажу!! Убью, гад!!!» Смотрю, точно как тогда: лицо — простыня, со лба — ручьи, челюсть отвисла. Тряхнул его как следует, бить не стал. Только разжал руки, его и след простыл.

И вдруг... вдруг я понял: Это же не он, не тот капитан вовсе! Это же артист. Киноактёр популярный. Часто играл тогда полевых командиров. Как я напутал?! Перепугал до полусмерти ни в чём не повинного человека. Наверняка он решил, что я — псих и был недалёк от истины. Мне бы найти его и извиниться, но на это уже не было сил.

Теперь-то, вспоминая эту историю, я невольно улыбаюсь. Но тогда, поверьте, ни мне, ни ему было вовсе не до смеха.